

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №3, Том 13 / 2022, No 3, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/23FLSK322.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кудрявцева, М. И. Прагматика метатекстовых элементов в постмодернистском художественном дискурсе / М. И. Кудрявцева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23FLSK322.pdf>

For citation:

Kudryavtseva M.I. Pragmatics of metatextual elements in postmodern literary discourse. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 3(13): 23FLSK322. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/23FLSK322.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Кудрявцева Мария Игоревна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия

Доцент кафедры «Русского языка как иностранного и методики его преподавания»

Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований

Кандидат филологических наук

E-mail: mia@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4545-3017>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=669434

Прагматика метатекстовых элементов в постмодернистском художественном дискурсе

Аннотация. Статья посвящена изучению прагматики метатекстовых элементов в художественном дискурсе постмодерна, которые имеют своей целью актуализацию взаимодействия автора с читателем в конкретных коммуникативных условиях, моделируемых самим продуцентом постмодернистского художественного дискурса. Выявлено, что постмодернистский художественный дискурс должен изучаться как единство текста и метатекста, при этом описание метатекстовых элементов в прагматическом аспекте позволяет определить их роль в организации индивидуально-авторской картины мира, структурировании ее ценностных компонентов, выявить особенности коммуникативного репертуара языковой личности автора. На основании анализа языкового материала — текста постмодернистского романа А. Битова «Пушкинский дом» — автор статьи приходит к выводу о метатекстовых элементах как об отражении трансформации понимания задач литературного творчества в эпоху постмодерна. Прагматические функции метатекста манифестируют стремление автора вербализовать сам процесс создания художественного текста, осмыслить его воздействие на читателя, рассмотреть специфику художественных образов, созданных творческими усилиями автора, с позиций науки о литературе. Значимым в плане реализации прагматики метатекста является продуцирование иллюзии реальности персонажа, которую автор сам же и подвергает деконструкции с помощью метатекстовых элементов. Постмодернистский художественный дискурс характеризуется многомерным применением иронии, для которой в координатах метатекстовых элементов свойственна направленность на саму природу творческого процесса автора и его отношение к миру и самому себе. Основной прагматической функцией метатекстовых элементов является декодирование художественного дискурса в его смысловых доминантах, при этом рецептивно-интерпретативная деятельность читателя реализуется в том направлении, которое задает автор. Изучение метатекстовых элементов в художественном дискурсе постмодерна позволяет трактовать такой дискурс с позиций онтологии (как способ и

условия бытия), аксиологии (совокупность ценностных компонентов индивидуально-авторской картины мира), гносеологии (познание художественных смыслов).

Ключевые слова: художественный дискурс; постмодернизм; метатекст; метатекстовые элементы; прагматика; коммуникативный репертуар языковой личности; автор; читатель; ирония

Введение

Понятие метатекста становится в последние десятилетия весьма актуальным в проведении целого ряда исследований в сфере литературоведения, семиотики, культурологии, лингвистики. Под метатекстом понимают процесс соотнесения основного текста с собственными претекстами, а основным объектом рассмотрения становится условность и фикциональная природа персонажей и событий, а также сам процесс создания художественного текста¹.

В отличие от интертекста метатекст герметичен, ориентирован на авторскую рефлексию о самом себе и собственном творчестве, поэтому правомерно судить о метатексте как о фрагментах, в которых манифестировано отношение автора к текстовому пространству в его целостности, однако этим, конечно, не исчерпываются функции метатекста. Такие функции определяются авторским замыслом, спецификой ценностной картины мира автора и его мировидением в целом. Несомненно, наличие метатекстовых элементов позволяет также рассматривать литературное произведение именно как дискурс, как взаимодействие автора и читателя, которое, к тому же, осуществляется в определенных моделируемых продуцентом такого дискурса коммуникативных условиях.

Для постмодернистского художественного дискурса характерно наличие различных по своей прагматике метатекстовых элементов, что в целом свидетельствует об изменении задач литературного творчества и природы текстуальности в эпоху постмодерна. Постмодернизм акцентирует внимание адресата на самом творческом процессе посредством экспликации авторской рефлексии, что кардинально трансформирует и структуру художественного дискурса, затрудняя дифференциацию собственно текста и метатекста.

Методы исследования применяются к материалу комплексно, в состав этого комплекса включены индуктивно-дедуктивный метод, метод анализа и синтеза, прагмасемантический, дискурсивный и контекстологический методы анализа.

Результаты

Художественный текст может быть рассмотрен как дискурсивное образование на основании наличия в нем метатекстовых элементов, т. к. именно они актуализируют диалог автора и читателя, реализуемый в конкретной коммуникативной ситуации, моделируемой продуцентом этого дискурса. В постмодернистском художественном дискурсе обнаруживаются метатекстовые элементы, имеющие различные прагматические функции, что в целом говорит о трансформации в эпоху постмодерна понимания задач литературного творчества. Различение собственно текста и метатекста в дискурсивном пространстве постмодерна затруднено по причине прагматических изменений в структуре художественного

¹ μετά- (др.-греч.) приставка, обозначающая: общность, соучастие; общение, совместное действие; промежуточность, положение между чем-л.; следование в пространстве или во времена; изменение, переменна; перемещение; отпусkanie, освобождение [Древнегреческо-русский словарь. URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>].

дискурса: весьма значительное место отведено авторским рассуждениям о процессе создания художественного текста, о воздействии его на читателя, о том, какими особенностями характеризуются художественные образы, которые также зачастую анализируются самим автором с позиций литературоведения. Автор намеренно создает иллюзию реального существования персонажа, которую сам же и разрушает посредством метатекстовых элементов. Важное место в постмодернистском художественном дискурсе занимает ирония, которая в метатексте направлена на творчество автора и его отношение к миру и самому себе.

Применительно к художественному дискурсу постмодерна необходимо уточнить понимание метатекста и его элементов на основании важности их изучения в структурировании индивидуально-авторской картины мира, ее ценностных компонентов, а также коммуникативного репертуара языковой личности автора.

Обсуждение

Изучение метатекста в лингвистике обусловлено настоятельной потребностью построения его целостной теоретической модели, а также определения принципов лингвистического анализа метатекстовых элементов. Одним из наиболее эффективных направлений в этом отношении стоит считать нарратологию, однако нарративные модели и схемы, предложенные на основании анализа фольклорных произведений [1; 2] или текстов художественной литературы XIX–XX вв. [3–5], не всегда результативны в отношении постмодернистских художественных текстов. Анализ постмодернистского художественного дискурса с учетом функционирования в нем метатекста и интертекста требует существенных дополнений к уже существующим методикам.

Разумеется, постмодернизм не является первой художественной эпохой, когда размышления о творческом процессе становятся одним из важных компонентов миропонимания автора. Напротив, метатекстовые элементы начинают появляться в художественном дискурсе уже тогда, когда его продуцент начинает задумываться о сущности словесности, о природе языка. Тем не менее, традиционно феномен метатекстуальности связывают с проникновением в структуру художественного текста рефлексивного начала. Ю.М. Лотман указывает на достаточно раннее возникновение в литературе элементов метатекстуальности, «выявляющих рефлексивную составляющую художественного творчества» [6, с. 426], и постепенно метатекст в научной парадигме литературоведения обретает собственные функции и специфическое содержание, прагматические особенности, что формирует его самостоятельность в художественном тексте и, одновременно, тесные связи с другими текстовыми структурно-семантическими компонентами.

В науке о литературе под метатекстом, вслед за Ю.М. Лотманом, понимают «текст, обращенный не только к предмету, но и к авторскому слову о нем» [6, с. 434], объект изображения которого — «само литературное изображение» [6, с. 434]. Ю.М. Лотман рассматривает в качестве метатекста заглавие произведения, его структурное членение на части и главы, эпиграфы и авторские комментарии и/или примечания к произведению, которые не были включены в основной текст, «лирические отступления» и размышления автора о произведении в самом художественном тексте.

Понятие метатекста было предложено и введено в научный оборот А. Вежбицкой: в ее ставшей уже хрестоматийной работе «Метатекст в тексте» (1978) [7] авторский монологический текст трактуется как «двутекст», включающий высказывание о предмете и высказывание о самом высказывании; «метатекст» — это в основном вводные слова и обороты с семантическим элементом «говорит», а его функция заключается в том, чтобы прояснить «семантический узор» основного текста» [7, с. 421], т. е. метатекст, по А. Вежбицкой, это

высказывания о текущей речи в этой же речевой ситуации. Понятие метатекста изучается после появления работы А. Вежбицкой в различных направлениях: исследователи трактуют его как расширительно, так и в узком смысле [8; 9], а также выявляют различные признаки метатекста как особого текстового феномена [10–12]. С позиций структурно-семиотического подхода под метатекстом понимают код, позволяющий дешифровать первичный язык художественного текста.

Представляется, что понимание метатекста и его элементов применительно к художественному дискурсу необходимо уточнить и в определенной степени расширить: его изучение дает многое для понимания индивидуально-авторской картины мира в целом и ее ценностной составляющей, коммуникативного репертуара языковой личности автора, в частности, тех коммуникативных стратегий и тактик, посредством которых реализуется коммуникативно-прагматический потенциал художественного дискурса. Мы согласны с А.В. Кузнецовой в том, что «Метатекст как «текст в тексте» и «текст о тексте» представляет собой один из важных компонентов текста художественного. Художественный текст имеет диалогическую природу в координатах автор (продюцент, адресант) — читатель (реципиент, адресат), а автор и/или повествователь, рассказчик может объяснять или комментировать собственную манеру речи с целью уточнения вектора предполагаемой интерпретации текста читателем» [13, с. 266]. Поскольку в художественном тексте нет ничего случайного, что не было бы актуализировано в рамках авторского замысла, постольку и изучение метатекста следует осуществлять с позиций представлений о единстве эстетического авторского замысла и специфики метатекстовых элементов в различных дискурсивных аспектах.

Роман А. Битова «Пушкинский дом» [14], традиционно изучаемый как постмодернистский, предоставляет весьма разнообразный материал для исследования прагматики метатекстовых элементов. Автор отводит весьма значительное место рассуждениям о процессе создания художественного текста, о специфике его воздействия на читателя, о характерах персонажей, которые подвергнуты именно литературоведческому анализу в границах таких текстовых компонентов, а не воссозданы автором как художественные образы, например: «Мы назвали главу «Отец», имея в виду, однако, не только отца, но и само время. Отец у нас вышел какой-то двойной: то он робкий, комплексующий человек, не умеющий даже сделать умело «идет коза рогатая» маленькому Леве; то он уверенно мерит сильными шагами свой академический, культовый кабинет, прочно чувствуя себя в эпохе» [14, с. 52]. В приведенном фрагменте само указание на название главы — «Отец» — уже ориентирует читателя на восприятие метатекстового элемента именно как размышления автора о его собственном произведении. И хотя в следующих высказываниях автор отсылает к характеристикам героя, основным все же остается раскрытие продюцентом художественного дискурса собственного понимания диалектики образа персонажа с позиций автора: этому способствуют атрибуты *какой-то двойной*, а также синтаксическая конструкция с частицами *то...то*, а также антитеза, структурируемая с помощью индивидуально-авторских антонимов, создающих контекст противопоставления (*робкий, комплексующий — сильными, культовый, прочно*).

Также в следующем фрагменте можно наблюдать формирование отношения автора к своему персонажу, как бы разворачивающееся (еще один аргумент в пользу того, что мы должны рассматривать именно постмодернистский дискурс!) на глазах у читателя: «Так что возможно, что другая совсем семья у нашего героя. И автору очень хочется изложить сейчас второй вариант семьи Левы Одоевцева, такой вариант, в результате которого, как кажется автору, опять получится ровно такой же герой. Потому что интересуется его только герой, и только героя, как уже выбранный (пусть неудачно) объект исследования, не хочет менять автор. Но это свое желание поведать второй вариант автор пока отложит» [14, с. 53]. Альтернативный вариант семьи Левы создает еще большую убедительность иллюзии реального существования

персонажа, которую автор одновременно с таким структурированием мистификации и разрушает: вербальными маркерами такой деконструкции выступают следующие лексемы и лексические сочетания — *возможно, другая совсем семья, хочется изложить, уже выбранный объект исследования, желание поведать*. Реализация прагматического воздействия данного фрагмента опирается на такую его организацию, которая погружает читателя в ход самого мыслительного процесса автора и демонстрирует ценностные компоненты индивидуально-авторской картины мира — убежденность в собственной творческой правоте (*получится ровно такой же герой, автор пока отложит*), хотя и иногда вызывающей некоторые сомнения (*как кажется автору, пусть неудачно*).

Очевидно, что прагматика метатекстовых элементов в постмодернистском художественном тексте не может быть эффективно реализована вне иронического отношения к миру, к собственной творческой деятельности и к самому себе. Так, в следующем фрагменте «Мы собирались рассказать об отце и о времени. В результате об отце мы так же не много сказали, как и о времени. Но мы считаем, что в данном случае оба разных предмета можно сложить... Отец — это и было само время. Отец, папа, культ — какие еще есть синонимы?..» [14, с. 53] вербальными репрезентантами иронии выступают высказывания *в результате об отце мы так же не много сказали, как и о времени; отец, папа, культ — какие еще есть синонимы?* Автор также раскрывает в этом фрагменте и природу неудачных (даже неуклюжих) попыток избежать упреков со стороны читательской публики: *Но мы считаем, что в данном случае оба разных предмета можно сложить... Отец — это и было само время*. При этом включение в индивидуально-авторскую картину мира иронической самооценки обнаруживает и определенные корреляции не только с авторским замыслом, но и с целостной философией, которая, однако, не может быть в полной мере идентифицирована как личная философия А. Битова. Безусловно, это философия одной из его авторских масок, которые так свойственны постмодернистскому художественному дискурсу, например: «Но мы не считаем ошибкой это не с самого начала запрограммированное противоречие. Во-первых, и так бывает. Во-вторых, в этом романе будет еще много двойного и даже многократного, исполненного уже сознательно, и даже если не совсем художественно, то открыто и откровенно. Ведь сама жизнь двойственна именно в неделимый сей миг, а в остальное время, которого с точки зрения реальности и нет, жизнь — линейна и многократна, как память. Потому что, кроме сей, сию секунду исчезнувшей секунды, кроме сей, ее заменившей, нет времени в настоящем, а память, заменяющая исчезнувшее время, тоже существует лишь в сей миг и по законам его» [14, с. 52]. В приведенном фрагменте автор обращается не только собственно к творческому процессу (*в этом романе будет еще много двойного и даже многократного, исполненного уже сознательно, и даже если не совсем художественно, то открыто и откровенно*). Прагматика данного макроконтраста строится на основании применения аналогий творчества и жизни, жизни и памяти. Примечательно, что прагматическое воздействие усилено автором за счет обращения к пониманию времени экзистенциалистами [см., напр.: 15], прежде всего, настоящего — *время, которого с точки зрения реальности и нет*.

Анализ прагматики метатекстовых элементов постмодернистского художественного дискурса позволяет определить цель его продуцирования — декодирование дискурса в его смысловых доминантах, при этом метатексту отводится одна из основных ролей в структурировании взаимодействия автора и читателя. Понимание конструируемой в художественном дискурсе реальности оказывается диалектически связанным с вектором рецептивно-интерпретативной деятельности читателя, заданным творческими усилиями автора. Важными точками приложения усилий адресата становится не только трактовка дискурса как способа и условия бытия, но и деконструкция этого дискурса посредством метатекста с целью познания художественных смыслов, а также установление ценностных компонентов, вне которых невозможно постижение авторского замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / Науч. ред., текстол. коммент. И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
2. Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд. Группа «Прогресс», 2000. С. 239–246.
3. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Пер.с фр. Г. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387–422.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 Т. / пер. с фр. Перцовой Н.М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.
5. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (Studia philologica).
6. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Об искусстве. Структура текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики: статьи, заметки, выступления (1962–1993). СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 423–436.
7. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 402–421.
8. Андриющенко Т.Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста // Проблемы организации речевого общения. М.: Ин-т языкозн. РАН, 1981. С. 127–150.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2011. 480 с. (Язык. Семиотика. Культура).
10. Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 82–92.
11. Шаймиев В.А. Так метатекст или метадискурс? // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1–1. Т. 17. С. 563–565.
12. Фатеева Н.А. Интертекст и гипертекст: художественный текст, его бытие в «паутине» других текстов / Н.А. Фатеева // Русский язык сегодня: сб. ст. М., 2003. Вып. 2. С. 388–400.
13. Кузнецова А.В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 265–269.
14. Битов А. Пушкинский дом: роман. СПб: Изд-во «Азбука», 2000. 499 с.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с. (Philosophy).

Kudryavtseva Mariya Igorevna

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: mia@sfnu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4545-3017>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=669434

Pragmatics of metatextual elements in postmodern literary discourse

Abstract. The article is devoted to the study of the pragmatics of metatextual elements in postmodern literary discourse, which aim to actualize the interaction of the author with the reader in specific communicative conditions, modeled by the producer of postmodern literary discourse himself. It is revealed that postmodern literary discourse should be studied as a unity of text and metatext, while the description of metatextual elements in a pragmatic aspect allows us to determine their role in organizing the author's individual picture of the world, structuring its value components, and identifying the features of the communicative repertoire of the author's linguistic personality. Based on the analysis of linguistic material — the text of the postmodern novel by A. Bitov "Pushkin House" — the author of the article comes to the conclusion about metatextual elements as a reflection of the transformation of the understanding of the tasks of literary creativity in the postmodern era. The pragmatic functions of metatext manifest the author's desire to verbalize the very process of creating a literary text, to comprehend its impact on the reader, to consider the specifics of literary images created by the creative efforts of the author, from the standpoint of the science of literature. Significant in terms of the implementation of the pragmatics of the metatext is the production of the illusion of the reality of the character, which the author himself deconstructs with the help of metatextual elements. Postmodern literary discourse is characterized by a multidimensional use of irony, which, in the coordinates of metatextual elements, is characterized by a focus on the very nature of the author's creative process and his attitude to the world and himself. The main pragmatic function of metatextual elements is the decoding of literary discourse in its semantic dominants, while the receptive-interpretative activity of the reader is realized in the direction that the author sets. The study of metatextual elements in postmodern literary discourse allows us to interpret such discourse from the standpoint of ontology (as a way and conditions of being), axiology (a set of value components of an individual author's picture of the world), epistemology (cognition of literary meanings).

Keywords: literary discourse; postmodernism; metatext; metatextual elements; pragmatics; communicative repertoire of a linguistic personality; author; reader; irony